

**СИНЯЯ СВИТА
НАИЗНАНКУ
СШИТА**

Д

СИНЯЯ СВИТА НАИЗНАНКУ СШИТА

**БЕЛОРУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

Рисунки В.ГОРЯЧЕВА

МОСКВА
·ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА·
1986

ДЯТЕЛ, ЛИСА И ВОРОНА

В

ыдолбил дятел в осине дупло, сделал гнездо и вывел деток — трёх дятликов.

Растут маленькие, и радуется дятел. «Выращу, — думает, — детей — будет мне в старости помощь».

Да недаром говорится: «Кабы на дятла да не длинный носок, никто б его не нашёл!» Не умел он радоваться про себя, а раструбил на весь лес о своих детях. Кого ни встретит — всем хвастается: «Ох, и какие ж у меня славные детки! И умные и пригожие. Других таких ни у кого нету!..»

Дозналась об этом лиса. Захотелось ей отведать молодых дятловых птенчиков. Но как их достать из гнезда? Лазить на деревья лиса не умеет.

Растит дятел деток — кормит, поит, а лиса у осины похаживает, скалит зубы да всё думает, как бы ей дятловых птенчиков достать.

И придумала наконец. Подходит однажды к осине и давай стучать хвостом по дереву.

Высунул дятел голову из дупла:

— Ты что, лисичка, делаешь? Зачем моих деток пугаешь?

— Вот как! — говорит лиса. — А у тебя и дети есть?

— Есть, — говорит дятел. — И такие славные детки!

— Ну, так гони их вон, да и сам выбирайся, а то я сейчас дерево буду рубить.

— Зачем тебе дерево это? — спрашивает дятел.

— Как это — зачем? Распилю на дрова, печь топить буду.

— Ой, лисичка, ой, матушка! — начал упрашивать дятел. — Дай сперва деток выкормить, а потом и руби дерево. Куда ж я теперь с малышами-то денусь?

А лиса ещё сильнее стучит хвостом по дереву:

— Не могу я ждать, пока ты детей выкормишь! Кто ж виноват, что ты как раз на этой осине гнездо устроил! Разве мало было деревьев в лесу?

— Оно-то правда, — говорит дятел, — деревьев в лесу много, но кто мог знать, что вот эта старая, гнилая осина понадобится тебе на дрова!..

— Прежде чем гнездо делать, надо было у меня спросить, — говорит лиса. — Сам виноват!

Почесал дятел свою пёструю голову:

— Что же мне, лисонька, делать? Посоветуй.

Облизнулась хитрая лиса, повертела хвостом и говорит:

— Сбрось мне одно дитятко, тогда не буду рубить дерево.

Подумал дятел — жаль дитятко, да что делать: хоть двое ему останутся. И сбросил одного птенчика. Подхватила его лиса, побежала за куст и съела.

На другой день приходит опять:

— Сбрось ещё одно дитятко, а то дерево буду рубить.

И давай хвостом барабанить по осине. Как ни упрашивал дятел, а пришлось ему ещё одного сбросить.

Понравились лисе дятловы птенчики. Через денёк пришла снова. Жаль дятлу последнее дитя отдавать. Он и говорит:

— погоди, лисичка, хотя бы до завтра. Дай ещё немного дитятком утешиться.

— Ладно, — согласилась лиса. — Приду завтра.

Сидит дятел в дупле, горюет и всё думает, как бы ему спастись от лисы. Да ничего придумать не может.

А тем временем прилетает в гости к дятлу его кума — серая ворона.

— Так, мол, и так, — говорит ей дятел. — Не до гостей мне, кумушка: последнее дитя лиса забирает...

Ворона была птица старая и умная, не такая, как другие.

— Дурень, — говорит она, — а ты не отдавай!

— Тогда лиса дерево срубит, всё равно нас загубит.

— Это она только пугает. Как придёт она завтра, ты скажи ей: «Руби себе, я тебя не боюсь!»

Обрадовался дятел, поблагодарил куму-ворону за умный совет и хорошо угостил её жуками-короедами.

Прибегает на другой день лиса.

— Ну, дятел, — говорит, — сбрось и последнее дитя, а то сейчас дерево срублю.

А дятел высунул свой длинный нос из дупла и говорит:

— Руби себе, я тебя не боюсь!

Удивилась лиса: откуда дятел ума-разума набрался?

— Кто тебя научил так говорить? — спрашивает она.

— Моя свояченица, ворона-кума! — смело ответил дятел.

Обозлилась лиса на дятлову куму — серую ворону. «Постой же, — думает, — я этого тебе не прощу!» И ушла, глотая слюну.

Думала она, думала, как бы отомстить вороне, и наконец надумала. Выбежала на полянку, легла и прикинулась мёртвой.

Увидела её с дерева ворона. «А-а, — обрадовалась она, — неплохая еда валяется».

Тут она крыльями — мах, мах! — и вмиг возле лисы очутилась. Сперва клюнула её в хвост, чтоб проверить, и вправду ли лиса мёртвая. А та даже не шелохнулась. Лежит, как неживая.

Ворона осмелела, подпрыгнула к голове и уже собралась было клюнуть в глаз, а лиса как схватится — и цап ворону!

— Ага! — засмеялась лиса, оскалив зубы. — Попалась ты мне на обед вместо дятлова птенчика! Будешь теперь знать, как дятла учить.

— Ну что ж, — говорит ворона, — ты перехитрила меня. Только я теперь одного боюсь: чтобы ты не мучила меня так, как твоя мать мучила мою.

— А как же она мучила? Я что-то не помню.

— Да ты тогда маленькая была...

— Так расскажи, — попросила лиса.

— Ладно, расскажу, — согласилась ворона. — Дело было так. Твоя мать поймала мою. Вот как ты меня сейчас...

— Ну понятно, — перебила её лиса. — Моя мать была не такая глупая, как твоя.

— Да, да, — ответила ворона. — Она и вправду была умная, так как не захотела есть мою матушку с перьями: ведь перья-то невкусные!

— Конечно, невкусные, — подтвердила лиса.

— Ну вот, твоя мать сделала так: взяла два решета, посадила туда мою матушку, потом сложила решёта вместе да как пустит их с крутой горы, и на моей матери ни пёрышка не осталось, все дочиста осыпались. Брр! — сказала ворона. — Ведь это для нас, ворон, самая страшная кара...

«Хорошо ж, — подумала лиса. — Не буду и я глупей своей матери».

Достала она два решета, посадила туда дятлову куму, да и спустила решёта с крутой горы. Решёта покатались в разные стороны, а ворона тем временем поднялась и полетела на дерево.

СОБАКА И ВОЛК

Была у одного хозяина собака. Она честно служила хозяину, но не успела и оглянуться, как состарилась. Хуже стали видеть глаза, и трудней ей стало сторожить хозяйское добро. Тогда скупая хозяйка перестала её кормить, а там и гнать со двора стала. «Чем так жить, — думает собака, — пусть лучше меня волк съест».

Подумала, да и пошла в лес искать волка.

Идёт она лесом, а тут навстречу волк бежит.

— Куда, собака, идёшь? — спрашивает волк.

— К тебе.

— Зачем?

— Съешь ты меня, волк...

И рассказала она ему про свою беду. Видит волк, что собака больно худая, ещё зубы поломаешь, и говорит:

— Нет, теперь я тебя есть не буду. Надо, чтоб сперва ты немного поправилась.

— Как же я поправлюсь, — говорит собака, — если меня хозяйка совсем не кормит?

— Ничего. Мы сделаем так, что она будет тебя охотно кормить.

— Где там! У меня хозяйка больно скупая.

— Послушай ты меня, — говорит волк. — Ступай домой и спрячься на огороде. Под вечер, когда станет темнеть, я прибегу и схвачу лучшего хозяйского поросёнка. Ты залаеешь, побежишь за мной, и я тебе отдам поросёнка. Хозяин увидит это и велит хозяйке хорошо тебя кормить. А через месяц, когда поправишься, приходи ко мне, тогда я тебя съем.

Собака подумала и согласилась.

Прибежал в сумерки волк, схватил поросёнка и потащил его через огороды. А собака как поднимет лай, как бросится за волком.

Услыхал хозяин, выскочил из хаты, видит — тащит волк поросёнка через огороды, а собака его отнимает.

— Ату его! Ату! — закричал хозяин. — Куси его, Лыска!

Тем временем волк бросил поросёнка, а сам бежать в лес.

— Молодец, Лыска! — похвалил хозяин собаку.

Привёл на кухню и велел жене хорошо её кормить.

Живёт Лыска припеваючи. А спустя месяц так поправилась, что и шерсть заблестела. И забыла она про уговор с волком.

Вот раз собрались у хозяина гости. Пьют, гуляют, песни распевают. Немало тут Лыске перепало — целую кучу костей ей под стол набросали. Наелась Лыска, да и вышла во двор. Глядь — а тут её волк ждёт.

— Ты чего здесь? — спрашивает собака.

— За тобой пришёл, — отвечает волк. — Помнишь про наш с тобой уговор?

Испугалась собака — не хочется ей попасть в волчьи зубы. Вот она и говорит:

— Не ешь меня, волк. Я тебя за это вкусной едой угощу.

— Откуда же ты её возьмёшь?

— У моего хозяина гости. Там под столом полно костей, даже с мясом. Пойдём!

— Боюсь. Убьют меня там.

— Не бойся, не убьют, — уговаривает собака. — Я тебя так проведу, что никто и не заметит.

Согласился волк. Лыска оставила его в сенях, сама вбежала в хату, махнула хвостом и погасила лучину.

— Теперь беги под стол, — позвала она волка.

Волк так и сделал. Накормила-напоила собака волка. Сидят они себе под столом да тихонько беседуют.

А тем временем гости запели весёлые песни.

Волк слушал, слушал и говорит собаке:

— Мне тоже петь захотелось.

— Лучше молчи, — говорит собака.

Волк помолчал немного и опять за своё.

— Не выдержу, — говорит, — прямо язык чешется, так петь хочется. — И затянул на всю хату басом: — Ау-ау!..

А собака тоже не выдержала и давай ему подпевать:

— Гав, гав! Тяв, тяв!..

Услыхали это гости, схватили кто кочергу, кто ухват, поколотили волка и выбросили его вместе с собакой из хаты.

Очнулся волк и говорит собаке:

— Ну и накормила же ты меня! Я тебе этого не прощу.

— Сам виноват, — говорит собака, — надо было молчать.

— Нет, — не соглашается волк, — это ты виновата: зачем завела меня в хату?

Спорили они, спорили, наконец волк говорит:

— Если так, давай будем воевать: кто кого победит, тот того и съест. Собирай своё войско и приходи ко мне в лес.

— Что ж, — говорит собака, — пусть будет по-твоему.

На другой день взяла она себе в помощники барана, кота и петуха и пошла воевать с волком.

А волк пригласил к себе в воины медведя, кабана и зайца. Собрал своё войско, вышел на опушку леса и ждёт.

— Полежай ты, Михайло, — говорит он медведю, — на ёлку да погляди, не идёт ли собака со своим войском.

Взобрался медведь на ель, огляделся кругом и говорит:

— Идёт!

— Ну, так слезай! — кричит волк. — Будем воевать.

— Нет, не слезу, — отвечает медведь.

— Почему?

— Страшно.

— Что ж там за войско такое что ты так испугался? — спрашивает волк.

— Такое войско, что я и отродясь не видал, — отвечает, дрожа, медведь. — Один воин, толстый и мохнатый, с вилами идёт; другой, грозный да усатый, сзади пику несёт; третий, в красной шапочке, со шпорами на ногах, саблей машет... Первый идёт — головою трясёт и всё кричит: «Бе-э! Я всех заколю да на вилы насажу!» Второй сердито урчит, по сторонам озирается и всё бормочет: «Мне, мне их подай!» А третий такой заносчивый, кричит: «Куда, куда идти? Я один всех перебью!»

Услыхал это кабан и скорее в мох по самые уши зарылся. А волк видит, что не успеть ему спрятаться, стал на задние лапы и стоит.

— Прячься за меня, — говорит он испуганному зайцу. — Они подумают, что я пень, и нас обойдут.

Приходит собака с войском, смотрит — никого нету.

А тут как раз у барана рога зачесались. Видит — рядом какой-то пень стоит. Разогнался баран и — бац! — рогами об пень. У волка чуть голова не раскололась. Упал он и лежит — еле жив. А заяц выскочил из-под волка, но собака заметила его и сразу ж поймала.

Кабану в это время, как на беду, села муха на ухо. Пошевелил он ухом, чтоб согнать её, а кот подумал, что таммышь. Бросился он туда и давай мох разгребать. Так и царапает кабана острыми когтями! Терпел, терпел кабан, а потом как схватится — и бежать...

Испугался петух кабана, взлетел на ель и закричал:

— Куда, куда?..

Подумал медведь, что это подбирается к нему грозный воин, и взобрался от страха на верхний сук. Сук не выдержал, подломился, и медведь грохнулся наземь.

Вот с той поры и не дружат больше собака с волком.

НЕ СИЛОЙ, А РАЗУМОМ

Пошёл человек в лес рубить дрова. Нарубил дров, сел на пень отдохнуть.

Приходит медведь:

— Эй, человек, давай поборемся!

Глянул человек на медведя: этакая машина — куда с ним бороться! Стиснет лапами — и дух вон.

— Э,— говорит человек,— что мне с тобой бороться!

Давай сначала посмотрим, есть ли в тебе сила.

— А как будем смотреть? — спрашивает медведь.

Взял человек топор, расколол пень сверху, вогнал в расщелину клин и говорит:

— Коль раздерёшь этот пень лапой — значит, имеешь силу. Тогда мы с тобой поборемся.

Ну, медведь, не подумав, и сунул лапу в расщелину. А человек тем временем бац обухом по клину, тот и выскочил.

Тут пень и стиснул медвежью лапу, словно клещами.

Ревёт медведь, танцует на трёх лапах, но никак расщепить пень и вырваться не может.

— Ну что,— говорит человек,— будешь со мной бороться?

— Нет,— воет медведь,— не буду!

— То-то же! — сказал человек. — Не только силой можно бороться, а и разумом.

Вбил он опять клин в пень; вытащил медведь лапу — и наутёк в лес без оглядки.

С той поры боится он с человеком встречаться.

ОТ КРАДЕНОГО НЕ РАСТОЛСТЕЕШЬ

Б

ыло у одного человека два сына. Выросли они. Вот отец и говорит им:

— Пора, сыновья, за настоящую работу приниматься. Кто из вас чем хочет заняться?

Молчат сыновья, не знают, что ответить.

— Ну, так пойдём, — говорит отец, — по свету походим, посмотрим, что люди делают.

Вот пошли они потихоньку, сыновья ко всему приглядываются, думают, какую бы им работу выбрать.

Подошли к одной деревне. Видят — стоит у выгона кузница. Зашли они в кузницу. Поздоровались с кузнецом, поговорили. Старший сын даже молот в руки взял — помог кузнецу лемех выковать. А там двинулись дальше.

Подошли к другой деревне. Старший сын посмотрел туда-сюда: не видать кузницы в этой деревне. Вот он и говорит отцу:

— Почему бы и здесь кузницу не поставить? Я мог бы кузнецом остаться. Эта работа мне по душе.

Обрадовался отец: нашёл, думает, старший сын себе доброе дело для жизни!

— Ладно, — говорит, — будь кузнецом в этой деревне.

Поставил он сыну кузницу, тот и начал кузнечным ремеслом заниматься. И люди его хвалят, и сам он своей работой доволен.

А младший сын, сколько ни ходил, никак не может себе работу по душе выбрать.

Идёт он раз с отцом мимо луга. Видит — пасётся на лугу вол. А деревня далеко, и пастуха не видать.

— А не начать ли мне, отец, волон красть? — говорит сын. — Работа эта лёгкая, и каждый день с мясом буду. И сам растолстею, как вол.

— Воля твоя, — говорит отец. — Я с тобой и хожу, чтоб ты себе постоянное дело выбрал.

Взял сын вола и погнал домой. А отец говорит:

— Подожди меня возле леса — мне ещё надо в эту деревню заглянуть: там один мой знакомый живёт...

Гонит сын вола да всё, как волк, оглядывается: не бежит ли кто за ним. Пока дошёл до леса, уже порядком перетрусил. Даже тошно от страха стало.

Подождал он у опушки, пока отец воротился, и погнали они вместе вола домой.

Зарезали дома вола, сняли с него шкуру и стали мясо варить. Наварили, а отец и говорит сыну:

— Вот что, сынок, давай-ка сначала снимем мерки да посмотрим, кто из нас от этого вола потолстеет.

Взял он шнурок, обмерил шею себе и сыну и завязал узелки.

Сели они за стол. Отец ест спокойно, а сын всё на дверь поглядывает: не идёт ли кто вола искать? Залает ли собака, пройдёт или проедет кто мимо хаты — сын хватается за мясо и в чулан прячется... И пошло так день за днём.

Съели они наконец вола этого. Отец и говорит сыну:

— А теперь давай шеи мерить: кто ж из нас потолстел?

Измерили, — у отца шея вдвое потолстела, а у сына вдвое похудела.

Удивляется сын:

— Почему это так?

— А оттого, что ты краденого вола ел, — говорит отец.

— Так и ты же ел краденого!

— Нет, я хозяину за вола уплатил и ел, как своего. Потому я и потолстел. А ты как сядешь за стол — страх тебе сразу на шею прыг и душит. Оттого она и худеет. От краденого, брат, не растолстеешь!

ЗАВИСТЛИВЫЙ БОГАЧ

Жили два брата: богатый и бедный. Богатый сам не работал — у него было много батраков. А бедный ловил в озере рыбу, этим и жил.

Однажды богач справлял свадьбу — женил сына. Много собралось у него гостей.

«Пойду и я к брату в гости», — думает бедняк. Занял он у соседей каравай хлеба и пошёл.

Приходит, стоит у порога с хлебом. Увидел его богатый брат:

— Ты зачем пришёл? Мои гости — не тебе чета! Вон с глаз моих!

И прогнал со двора.

Горько стало бедняку, обидно. Взял он удочку и пошёл рыбу ловить. Сел в старый чёлн, отъехал на середину озера — ловит.

Удил, удил, всё дробная рыбка попадает. А тут и солнце заходит. «Ну, — думает бедняк, — закину ещё раз на счастье!» Закинул удочку и вытянул такую рыбку, какой сроду не видел: большая и вся золотистая.

Полюбовался он этой рыбой и стал в мешок запихивать. А она и говорит вдруг человеческим голосом:

— Не губи меня, добрый человек, отпусти в озеро.

А рыбак вспомнил про голодных ребят и говорит:

— Как же я тебя отпущу, ежели сам голодный и дети есть хотят? С чем я домой-то вернусь?

— Коли вы такие бедные, так засунь руку мне в пасть и достань оттуда золотой перстень.

Рыбак подумал и говорит:

— Боюсь — ты мне ещё руку откусишь!

— Не бойся, не откушу, — промолвила рыба ласковым голосом.

Осмелел рыбак, осторожно сунул руку в рыбью пасть и достал оттуда золотой перстень.

— Что мне с ним делать? — спрашивает. — Он же не накормит меня с детьми.

— Ещё как накормит! — отвечает чудесная рыба. — Выброси мелкую рыбку из челна и кинь туда перстенёк.

Рыбак так и сделал. Кинул перстенёк на дно челна, и там оказалась целая куча золота. Отпустил бедный рыбак рыбу, а сам скорей к берегу поплыл.

На берегу собрал он золото в кошель и пошёл домой.

Зажил бедняк — лучше не надо! Выстроил новую хату, ещё краше братниной, и позвал гостей на новоселье. А брата не позвал: не мог простить ему обиду.

Увидел богач, что бедняк в новой хате с гостями пирует, и говорит сыну:

— Сходи, погляди, что у него там делается.

Пришёл сын к дяде, поглядел и скорей назад.

— Ой, — говорит он отцу, — у тебя того нету, что у твоего бедного брата! И хата новая, и живности полно, и на столе всего хватает!

Богач почернел от зависти. Послал он опять сына, чтоб привёл он к нему бедняка.

Приходит бедняк к богатею.

— Откуда у тебя столько добра? — спрашивает богатый брат у бедного. — Ты, говорят, живёшь теперь лучше меня!

Бедняк врать не умел — всё рассказал, как было.

Услышал это богач, зачесались у него руки. «Пойду, — думает, — и я поймаю ту рыбу».

Взял он хорошую удочку, сел в чёлн, поехал на середину озера.

Ловил, ловил и выудил-таки чудесную рыбину.

— Не губи меня, — просит рыба, — отпусти: у меня дети малые.

— Нет, голубка, — смеётся богатея, — не отпущу! Дай мне такой же перстенёк, как у моего брата, тогда отпущу.

— Так брат же твой бедный был, у него и хлеба не было... А тебе-то на что?

— Как это — на что? Не хочу я, чтоб мой брат жил богаче, чем я! Давай перстенёк, и дело с концом! А не дашь, отнесу тебя домой да зажарю.

— Ну что ж, — говорит рыба, — бери, коли ты такой завистливый. Мне не жалко.

Разинула она пасть. Богатея засунул туда руку по самый локоть. Тут рыбина как лязгнет зубами, да и откусила руку и нырнула на дно.

Вернулся богатый брат домой и без денег и без руки.

Так ему и надо.

УМНАЯ ДОЧЬ

Ж

ил один бедняк с женой. Родилась у них дочь. Надо справлять праздник, а у него ни хлеба, ни к хлебу. Чем гостей угощать?

Пошёл бедняк за водой на речку. Набрал полные вёдра, назад возвращается. Глядь — лежит в кустах тёлочка. Да такая слабая, плохонькая, что сама и не подыметя.

Принёс бедняк домой воду и рассказал жене о тёлочке.

— Так возьми её, — говорит жена.

Вернулся он на речку, взял тёлочку и домой принёс.

— Давай, — говорит жене, — зарежем её: будет чем гостей угостить.

Понравилась жене тёлочка — такая рыженькая, с белым пятнышком на лбу.

— Нет, — говорит она, — пусть лучше растёт.

— Да она ведь совсем слабенькая. Видно, кто-то её бросил, чтоб в коровнике не околела.

— Ничего, может, и выходим её. Подрастёт дочка — будет ей молоко.

Послушался муж жену, и начали они тёлочку выхаживать.

Окрепла тёлочка, растёт, как на дрожжах. И дочка тоже, как на дрожжах, растёт.

Да такая умница вышла, что и старики охотно её слушаются.

Выкормилась из рыжей с пятнышком белым на лбу тёлочки славная корова.

Подросла девочка, исполнилось ей семь лет, стала сама бурёнку пасти.

Засмотрелся однажды богатый сосед на бедняцкую корову.

— Откуда она у тебя? — спрашивает.

Бедняк и рассказал ему всё как было.

— Эге, — говорит богатый, — так это моя ведь тёлочка! Это я её выбросил — не думал, что она на ноги подыметя. Нет, тогда я заберу свою корову назад.

Запечалился бедняк.

— Ведь я ж её выкормил, — говорит он. — Теперь она моя.

Не соглашается богатый:

— Не отдашь по-хорошему — пойдём к пану судиться.

Что делать? Пошли судиться к пану.

Богатый подал пану руку, поздоровался: известно, богатый с богатым свои люди.

Пан ему говорит:

— Садись.

Сел богатый в кресло, а бедняк у порога стоит, снял шапку. Пан на него и не смотрит.

— Ну, что скажешь? — спрашивает он у богатого.

— Да вот, пане, какое дело вышло, — начал жаловаться богатый. — Семь лет назад забрал этот человек мою тёлку, а теперь не отдаёт.

Выслушал пан и бедняка, а потом говорит им:

— Хорошо. Суд мой будет таков. Задам я вам три загадки: «Что на свете жирнее всего?», «Что на свете слаще всего?», «Что на свете быстрее всего?». Кто отгадает, у того и корова останется. А теперь ступайте домой, пораздумайте. Завтра приходите с отгадками.

Вернулся бедняк домой, сел и плачет.

— Чего ты, тата, плачешь? — спрашивает дочка.

— Да вот хочет богатый сосед корову у нас отобрать, — отвечает отец. — Пошли мы с ним к пану на суд. А тот задал нам три загадки. Кто из нас отгадает, у того и корова останется. Да где ж мне отгадать те загадки!

— А какие, тата, загадки? — спрашивает дочка.

Отец сказал.

— Ничего, тата, не печалься, — говорит дочка. — Ложись спать. Утро вечера мудренее: завтра что-нибудь да придумаем.

А богатый пришёл домой и радуется.

— Ну, баба, — говорит он жене, — будет корова наша! Только надо нам с тобой отгадать три загадки: что на свете жирнее всего, что слаще всего и что быстрее всего?

Подумала жена и говорит:

— Вот диво! Да тут и отгадывать-то нечего. Нет ничего на свете жирней моего рябого борова, слаще липового мёда наших пчёл, а быстрее нашего гнедого жеребца никто бежать не может: ведь он как помчится, то и ветер его не догонит!

— Правда, — согласился муж, — я так и скажу пану.

На другой день приходят богатый с бедным к пану.

— Ну что, отгадали мои загадки? — спрашивает пан.

Богатый вышел первый:

— Да тут и отгадывать-то нечего: нету на свете никого и ничего жирней моего рябого борова, слаще липового мёда моих пчёл и быстрее моего гнедого жеребца.

— А ты, — спрашивает пан у бедняка, — отгадал?

— Отгадал, пане: нет ничего жирней земли — ведь она нас всех кормит; нет ничего слаще сна — хоть какое случись горе, а уснёшь, то и забудешься; и нет ничего быстрее людских мыслей — ведь сам ты ещё здесь, а мысли уже далеко-далеко.

Правильно отгадал бедняк. И пришлось пану присудить ему корову.

— Кто это тебя научил так отгадывать мои загадки? — спрашивает он у бедняка.

— Моя дочка-семилетка, — говорит бедняк.

Удивился пан: не может быть, чтоб какая-то маленькая бедняцкая дочь отгадала его загадки! Решил он посмотреть на умную девочку. Приехал однажды к бедняку, а тот как раз в это время был в поле. Встретила пана дочь-семилетка.

— Девочка, — спрашивает пан, — к чему мне лошадей привязать?

Посмотрела девочка на сани и на повозку и говорит:

— Можешь к зиме привязать, а можешь и к лету.

Пан и глаза вытаращил: как это можно привязать лошадей к зиме или к лету? Смеётся, видно, над ним девчонка!

— Ну, хоть к саням привяжи или к повозке, — пояснила девочка недогадливому пану.

Видит пан, бедняцкая дочка и вправду очень разумная. Обидно это пану. Услышат люди, что она умнее его, тогда хоть беги из поместья. Поговорил пан с девочкой и поехал, а ей сказал, чтоб отец пришёл к нему вечером.

Пришёл бедняк вечером к пану.

— Что ж, — говорит пан, — умна твоя дочка. А я всё же умнее её.

Дал пан бедняку решето с яйцами:

— На, отнеси дочке да скажи, чтоб она посадила на них наседку и вывела мне к утру цыплят на завтрак. А не выполнит этого — велю бить кнутом.

Пришёл бедняк домой опечаленный. Сел на лавку и плачет.

— Ты чего, тата, плачешь? — спрашивает дочка.

— Да вот, доченька, какая беда: задал тебе пан новую загадку.

— Какую?

Показал отец решето с яйцами:

— Сказал, чтоб ты посадила на эти яйца наседку и вывела ему к утру на завтрак цыплят. А разве можно это сделать?

Дочка подумала и говорит:

— Ничего, тата, завтра что-нибудь да придумаем. А пока что возьми, мама, эти яйца да сжарь на ужин яичницу.

Наутро говорит дочка отцу:

— На тебе, тата, горшок, ступай к пану, скажи, чтоб он за день ляду¹ вырубил, выкорчевал да вспахал, просо посеял, сжал и обмолотил и в этот горшок насыпал, чтоб цыплят кормить.

Пошёл отец к пану, подал ему пустой горшок и сказал всё, что велела дочка. Подкрутил пан усы и говорит:

— Умная ж у тебя дочка, но я всё же умней.

Взял он три льняных стебля, подал их бедняку:

— Скажи дочке, чтоб она назавтра этот лён натеребила, спряла, выткала и сшила бы мне из него рубашку.

Вернулся отец домой опечаленный. Дочка спрашивает:

— Что сказал тебе пан?

Подав отец ей три льняных стебля и сказал, что велел пан.

— Ничего, — отвечает дочка, — ложись, тата, спать: завтра что-нибудь да придумаем.

На другой день даёт дочка отцу три кленовые ветки и говорит:

— Отнеси пану да попроси его посадить их, за одну ночь вырастить и сделать из них станок для тканья, чтоб было на чём полотно ему на рубашку наткать.

Пошёл бедняк к пану, подал три ветки и сказал так, как дочь научила. Покраснел пан и говорит:

— Умная ж у тебя дочка, ничего не скажешь. А я всё ж умнее её. Так вот передай ей, чтоб она пришла ко мне ни пешком, ни на лошади бы приехала, и не голая, не одетая и принесла б мне подарок, да такой, чтобы я не мог принять его. Если она всё это сделает, то возьму её в дочери. А не сделает — плохо ей придётся.

Вернулся отец домой ещё больше запечаленный.

— Ну, что ж тебе, тата, пан сказал? — спрашивает дочка.

— Да вот, доченька, наделала ты беды и нам и себе своими отгадками...

И рассказал ей отец, что пан загадал.

Засмеялась дочка:

— Ничего, тата! Как-нибудь да обманем мы пана и на этот раз. Только поймай мне живого зайца.

Пошёл отец в лес, поставил капкан и поймал зайца.

Дочка сняла рубашку, набросила на себя рыбачью сеть, села верхом на палочку и поехала с зайцем к пану.

Стоит пан на крыльце, видит — опять перехитрила его бедняцкая дочка. Разозлился он и натравил на неё собак — думал, что они разорвут умницу. А девочка выпустила из рук зайца — собаки и кинулись за ним в лес.

Подошла она к пану.

— Лови, — говорит, — мой подарок: вон он в лес убежал...

Пришлось пану взять умную девочку в дочери.

Поехал пан вскоре по делам в город, а девочке сказал:

— Смотри без меня не суди людей моих, а то плохо тебе придётся.

Осталась девочка одна в поместье.

И случилось в то время такое дело. Пошли два дядьки на ярмарку. Один купил телегу, а другой кобылу. Запрягли кобылу в телегу и домой поехали. По дороге оста-

¹ Ляда — покинута и заросшая лесом земля.

новились отдохнуть. Легли и уснули. А проснулись, видят — бегают у телеги молодой жеребёночек. Дядьки заспорили. Тот, чья телега была, говорит: «Жеребёнок мой — это моя телега ожеребилась!» А тот, чья кобыла, на своём настаивает: «Нет, жеребёнок мой — это моя кобыла ожеребилась!»

Спорили, спорили и порешили ехать к пану на суд.

Приехали, а пана нет дома.

— Рассуди хоть ты нас, — просят дядьки приёмную панскую дочь.

Узнала девочка, какое у них дело, и говорит:

— Пусть тот из вас, чья кобыла, выпряжет её из телеги и поведёт под уздцы, а тот, чья телега, пускай тащит её на себе в другую сторону. За кем жеребёнок побежит, тот и будет его хозяином.

Так дядьки и сделали. Жеребёнок побежал за кобылой, на том спор у них и кончился.

Вернулся пан домой и узнал, что умная девочка без него судила. Рассердился он и говорит:

— Что ж ты меня не послушалась? Теперь ты не моя дочка. Возьми себе из поместья, что пожелаешь, и ступай домой, чтоб я тебя больше не видел!

— Хорошо, — говорит девочка. — Но мне хочется на прощанье хорошенько тебя угостить.

— Угости, — буркнул пан. — Только поскорей.

Напоила его девочка сонным зельем, пан и уснул без памяти. Тогда велела она слугам запрячь лошадей, положила пана в карету и повезла домой. Дома вынесла его с отцом из кареты и перенесла в сени на кучу гороха.

— Вот тебе, — говорит, — постель вместо перины.

Проспался на другой день пан, по сторонам озирается. Увидал свою приёмную дочь и спрашивает:

— Почему я лежу здесь, в грязной мужицкой хате?

— Ты сам этого захотел, — смеётся девочка. — Ты мне сказал: «Бери себе из поместья, что пожелаешь, и ступай домой». Я и взяла тебя. Вставай да иди вместо отца барщину отбывать. Ты мужик крепкий.

Услышав это, пан вскочил на ноги и так махнул назад в своё поместье, что только его и видели. Даже о лошадях с каретой забыл.

СИНЯЯ СВИТА НАИЗНАНКУ СШИТА

ил-был царь-колдун. Кликнул он клич по всему царству: «Кто спрячется от меня так, что я не найду, тому полцарства отдам!»

И нашёлся охотник Синяя Свита Наизнанку Сшита. Приходит он к царю-колдуну.

— Я, — говорит, — берусь спрятаться так, что ты меня не найдёшь.

— Ладно, — говорит царь, — если так спрячешься — полцарства тебе, а нет — голова с плеч. Распишись.

Расписался Синяя Свита и давай прятаться. Перед царём стоял добрым молодцем, по двору бежал чёрным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем. Бежать так бежать — забежал в тридевятое царство. А в том царстве был просторный зелёный луг. Прибежал он на этот луг и обернулся тремя разными цветиками.

На другой день царь встал, поглядел в свою колдовскую книгу и говорит:

— Передо мной стоял добрым молодцем, по двору бежал чёрным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем. Прискакал на просторный луг в тридевятом царстве и обернулся тремя разными цветиками.

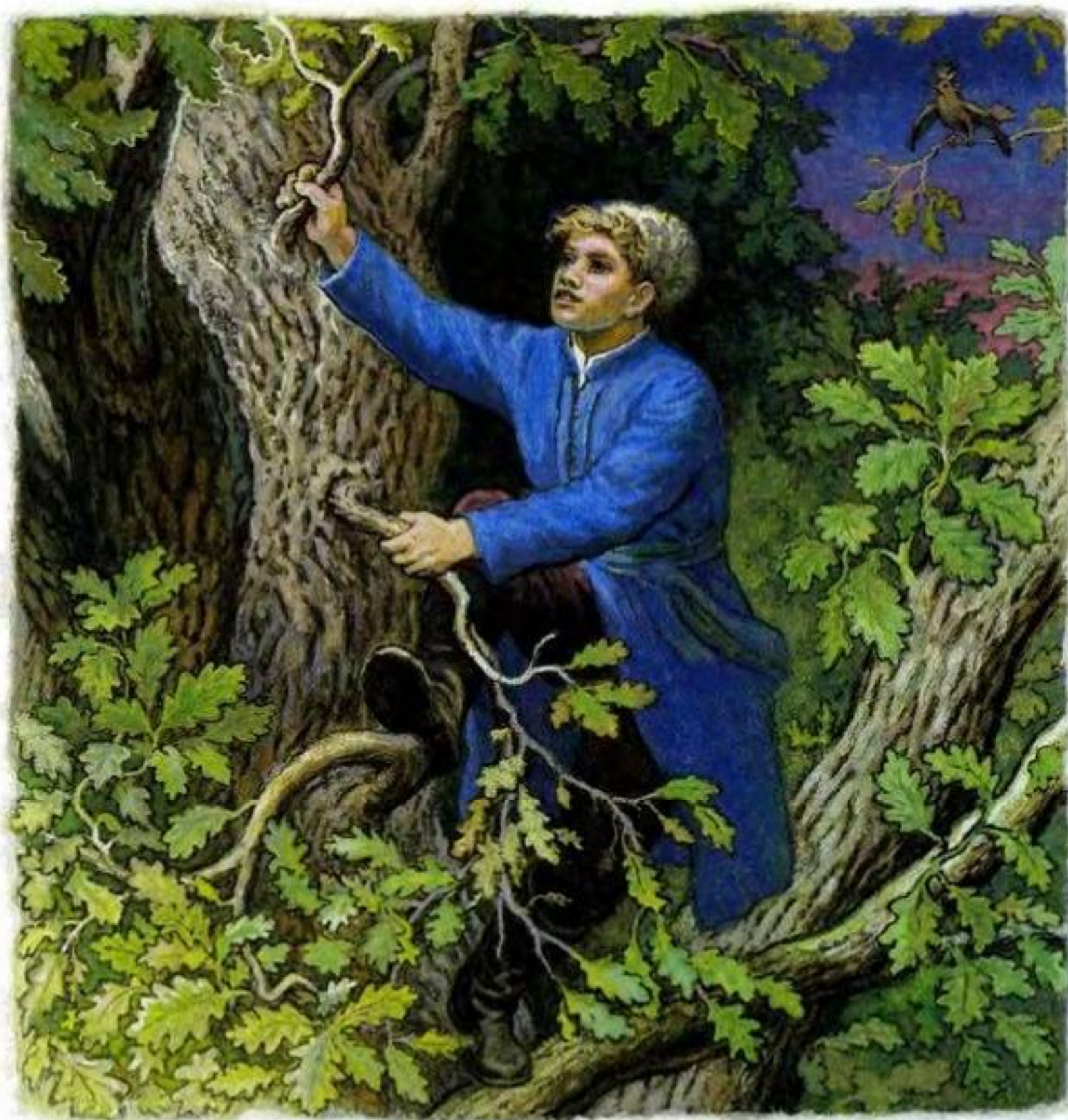
Позвал царь слуг и приказал им пойти в то царство и принести с того луга цветики.

Пошли слуги. Долго ли шли, коротко ли, а дошли до того луга, сорвали там цветики, завернули в платок и принесли царю.

Царь развернул платок, смеётся:

— Ну как, Синяя Свита, спрятался ты от меня?

Синяя Свита превратился в человека и говорит:

— Дозволь, царь, спрятаться ещё раз.

Царь дозволил.

Синяя Свита Наизнанку Сшита перед царём стоял добрым молодцем, по двору бежал чёрным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем. Бежать так бежать — забежал за тридевять земель, в тридесятое царство. А в том царстве был такой мох, под которым сверху болото, а внизу озеро. Зашёл он в мох, обернулся рыбой-окунем, забрался на самое дно озера и сидит там.

Утром царь встал, посмотрел в свою колдовскую книгу и говорит:

— Передо мной стоял добрым молодцем, по двору бежал чёрным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем. Забежал за тридевять

земель, в тридесятое царство и спрятался в моховом болоте, обернувшись рыбой-окунем.

Приказал царь своим слугам пойти в тридесятое царство, очистить моховое болото и поймать окуня.

Слуги так и сделали: очистили болото, закинули невод и поймали окуня.

Завернули его в платок, принесли царю.

— Ну что, Синяя Свита Наизнанку Сшита, спрятался ль ты от меня в другой раз? — смеётся царь.

Синяя Свита превратился в человека и говорит:

— Дозволь, царь, спрятаться ещё раз.

Царь дозволил.

Синяя Свита перед царём стоял добрым молодцем, по двору бежал чёрным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем. Бежать так бежать — прибежал в тридесятое царство, где растёт дуб, — корни у него в земле, а вершина в небе. Влез он на этот дуб, обернулся иголкой, забрался под кору и сидит там.

Прилетела на дуб птица Нагай.

Почуяла Нагай-птица, что под корою человек сидит, и спрашивает:

— Кто тут?

— Я, — говорит Синяя Свита.

— А как ты сюда попал?

— Да, — говорит, — взялся я от царя-колдуна спрятаться, а никак не удаётся.

— Хочешь, я тебя спрячу?

— Спрячь, добрая птаха. Век буду тебя благодарить.

Птица Нагай превратила его в пёрышко, взяла под крыло, занесла в царские палаты и положила сонному царю за пазуху.

Царь утром встал, умылся, поглядел в колдовскую книгу и говорит:

— Передо мной стоял добрым молодцем, по двору бежал чёрным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю скакал серым зайцем, прибежал в тридесятое царство. Там есть дуб — корни у него в земле, а вершина в небе. Забрался он под кору и сидит там, обернувшись иголкой.

Приказал царь слугам спилить дуб, расколоть на дрова и сжечь.

Слуги так и сделали, а Синей Свиты не нашли. Приходят, докладывают:

— Нет там Синей Свиты.

— Как — нет? — рассердился царь. — Не может этого быть!

— Нет, и всё, — говорят слуги.

Вышел царь во двор, начал звать:

— Синяя Свита Наизнанку Сшита, покажись!

— Собери, — отзывается Синяя Свита, — своих генералов, тогда покажусь.

Царь слышит голос Синей Свиты, а не знает, откуда он раздаётся.

Крутился, крутился, всюду заглядывал, а Синяя Свита как водою смыта.

Ну, делать нечего, собрал царь всех генералов. Вышел во двор, опять зовёт:

— Синяя Свита, покажись!

— Нет, — слышит голос Синей Свиты, — сперва при генералах отпиши мне половину царства, тогда покажусь. А то обманешь, я тебя знаю!

Не хотелось царю отписывать половину царства, а пришлось. Как только при генералах поставил он на указе свою царскую печать, у него из-за пазухи вылетело лёгкое пёрышко и обернулось добрым молодцем.

— Вот и я! — говорит Синяя Свита.

Схватил он тот указ и положил себе в карман.

Перестал тогда царь-колдун в прятки играть.

ИЗ РОГА ВСЕГО МНОГО

Ж

или себе дед да баба. Бедно жили. Известное дело — старики: ни работать, ни заработать не могут, только и было у них то, что соберут подаяннем.

Дождались они весны. Начали люди сеять. Вот баба и говорит деду:

— Ты бы, дед, хоть немного проса посеял. Я припрятала на посев с гарнец¹. Мы тогда каши бы наварили, а то сухари больно для наших зубов твёрдые.

— Хорошо, — говорит дед, — посею.

Вскопал он возле кустов клочок поля и посеял просо.

Взошло просо, растёт. Солнце его греет, дождик поливает. Радуетса дед просу, не нарадуется.

Вот пошёл он раз поглядеть на своё просо. Видит — расхаживает в нём журавль.

— Киш-киш, чтоб тебе! — закричал дед на журавля. — Ишь, где нашёл место для прогулок!

Поднялся журавль и полетел.

Посмотрел дед, а всё его просо загублено — потоптано да поломано.

Запечалился дед, приходит домой, говорит бабе:

— Хорошее просо уродилось, да вот беда: повадился в него летать журавль — всё начисто побил, потоптал своими длинными ногами. И жать будет нечего.

Погоревала баба, а потом и говорит:

— Ведь ты ж, дед, был хорошим охотником. И ружьё твоё на чердаке валяется. Возьми-ка его да пойдя застрели журавля-негодника. Будет у нас вместо каши хоть мясо.

Послушался дед, достал с чердака ружьё, очистил его от пыли, набил дробью и пошёл на свой клочок земли.

Приходит, глядь — опять журавль в просе топчется.

Обозлился дед, прицелился и хотел уже было выстрелить, а тот поднял голову и заговорил человеческим голосом:

— погоди, дедушка! Что это ты надумал делать?

— Стрелять в тебя буду! — говорит дед. — Ты всё моё просо своими длинными ногами повытоптал.

Журавль говорит:

— Не знал я, дедочек, что это просо твоё. Думал, панское. Прости меня.

— Хорошее дело — простить! — говорит дед. — Нету у меня больше ничего, только и была одна надежда на это просо. А теперь приходится из-за тебя с голоду помирать.

Выслушал журавль дедову жалобу.

— Что ж, раз ты такой бедный, — говорит, — то погоди маленько. Я принесу тебе подарок.

Взмахнул крыльями и полетел за кусты.

Стоит дед с ружьём и думает: «Видно, обманул меня журавль. Напрасно не застрелил я его. Что я теперь скажу бабе?»

Но только он так подумал, глядь — летит журавль и держит в клюве торбочку.

¹ Г а р н е ц — старая русская мера сыпучих тел, равная 3,28 литра.

Прилетел, подал торбочку деду.

— На тебе,— говорит,— дедушка, за твоё просо.

Покосился дед на торбочку — обычная нищенская сума!

Покрутил он головой и говорит:

— Зачем мне она? У меня, братец, и своих довольно. Нищий я. А у нищего, сам знаешь, сума — всё его богатство.

— Бери, дедушка: такой у тебя нету. Это волшебная торбочка. Стоит тебе только положить её перед собой и молвить: «Торбочка, раскатись, раскрутись, дай поесть и попить», и вмиг всё будет. А как наешься, скажи: «Торбочка, скатись, скрутись, еда и питье уберишь», и торбочка снова станет такой, как была.

— Спасибо, коли так,— сказал дед и пошёл с торбочкой домой.

Не терпится деду узнать, правду ли сказал журавль о торбочке. Присел он у дороги, положил торбочку на колени и проговорил:

— Торбочка, раскатись, раскрутись, дай поесть и попить!

И чудо! Вмиг такой богатый явился перед дедом стол, что и у панов не увидишь: пироги да караваи, жареное да вареное, и сласти, и питье разное...

— Молодец журавль, не обманул! — обрадовался дед.

Наелся, напился дед, потом велел торбочке свернуться, сунул её за пазуху и, веселый, пошёл домой.

Приходит домой:

— Жива ли ты, бабка, здорова ли?

— Жива, дедочек! А ты как? Долго ты что-то ходил. Я уже думала, тебя там волки съели или медведи задушили, в мох затащили и хворостом забросали.

— Нет, бабка, и волки не съели, и медведи не задушили, а принёс я хлеб-соль, хватит на всю нашу жизнь вдосталь. Садись, старуха, за стол.

Вынул дед из-за пазухи торбочку, положил на стол и сказал что следует.

Баба глаза так и вытаращила: не только всё на столе появилось, но даже и в хате посветлело...

— Откуда ты, старик, это взял?

— Дал тот журавль, которого ты застрелить велела.

— Ай-ай! — схватилась за голову баба. — Зачем же стрелять такого славного журавля?

Наелась баба, напилась и говорит деду:

— Давай позовём гостей.

— Каких?

— А всех, кому есть нечего.

— Зови, — согласился дед.

Пошла баба по селу, созвала всех бедняков.

Понравилась гостям волшебная торбочка. Каждый день стали теперь ходить они к деду и бабе угощаться.

Доведался о волшебной торбочке панский приказчик и рассказал о ней пану.

— Не может того быть, чтоб какой-то нищий ел и пил лучше, чем я! — разозлился завистливый пан.

Запряг он лошадей в бричку, приехал к деду.

— Правда ли, — спрашивает, — что у тебя есть такая торбочка, что сама кормит?

Дед врать не умел и сказал правду.

— Покажи мне её.

Положил дед торбочку на стол и велел ей раскрутиться.

Пан прямо остолбенел — такого жареного да вареного даже его повара не готовят!

Пристал он к деду:

— Отдай мне эту торбочку. Зачем тебе такие барские блюда? А ко мне князья в гости приезжают. Я их угощать буду.

— Нет, — говорит дед, — не могу отдать: кто же тогда будет кормить меня с бабой?

Пан говорит:

— Я пришлю тебе целый воз и хлеба, и картошки, и сала...

Так пристал к деду — ничего не поделаешь.

— Не отдашь по доброй воле, — грозит он, — то заберу по неволе, да ещё плетей получишь.

С паном разговоры короткие. Что ж, согласился дед и отдал ему торбочку.

Вернулся пан в своё поместье, живёт себе там, веселится, каждый день гостей созывает — торбочка верно служит ему. А про деда с бабой даже и не вспоминает.

Ждал, ждал дед от пана уплаты за торбочку, да так и не дождался.

— Может, он про уговор и забыл, — говорит баба. — Ступай, дедуля, напомни ему. Пошёл дед к пану, а тот — где там! — и говорить не хочет.

— Нет у меня для вас хлеба. Идите милостыню просить!

— Коли так, то отдай мою торбочку, — просит дед.

— Ах ты, такой-сякой! — закричал пан. — Дам я тебе торбочку! Эй, слуги, насыпьте-ка этому попрошайке двадцать пять плетей, чтоб больше сюда не ходил!

Схватили деда, высекли и выбросили за ворота.

Воротился дед домой. Рассказал бабе, какую он плату получил. Погоревала баба, поругала пана и говорит деду:

— Ступай, старик, поищи того доброго журавля: не даст ли он тебе другую такую же торбочку.

Собрался дед и вышел в поле. Сел в просе и сидит.

Вдруг видит — летит журавль. Дед к нему:

— Так, мол, и так, братец журавль: отобрал у меня пан твою чудесную торбочку. Да ещё его слуги высекли меня плетями. Как жить мне теперь с бабой? Может, дашь мне ещё одну такую же торбочку?

Подумал журавль и говорит:

— Нет, не дам я тебе другую торбочку. Дам тебе лучше рог.

Полетел куда-то за кусты, потом воротился и принёс в клюве серебряный рог.

— На тебе, — говорит, — вместо торбочки.

— А что с ним делать? — спрашивает дед.

— Пойди с этим рогом к пану и скажи: «Из рога всего много!» А когда ублажишь пана, то скажи: «Ох, все в рог!»

Сказал это журавль, взмахнул крыльями и улетел.

Покрутил дед в руках серебряный рог, подумал: «Видать, что-то мудрёное дал мне журавль. Как бы только из-за этого рога новых плетей не заработать...»

Идёт старик домой да всё о роге думает — сходить ли с ним к пану или нет? Встречает по дороге панского приказчика.

— Где был, дед? — спрашивает приказчик.

— Ходил к знакомому журавлю.

— Что ж он тебе дал?

— Серебряный рог.

— Покажи.

Достал дед из кармана рог, показал приказчику.

— А что с ним делать? — спрашивает приказчик.

— Да ничего, — отвечает дед.

— Как это так — ничего? Ты что-то от меня скрываешь. Может, из него золото сыплется?

— Может, и сыплется... Кто его знает.

— Так вели, чтоб из него золото посыпалось, — пристал к деду приказчик.

— Ты можешь и сам приказать.

— Как?

— Скажи: «Из рога всего много!»

— Из рога всего много! — крикнул жадный до денег приказчик.

И вдруг, откуда ни возьмись, выскочили из рога двенадцать хлопцев-молодцев с плетями и давай лупить приказчика.

Взвыл приказчик, просит:

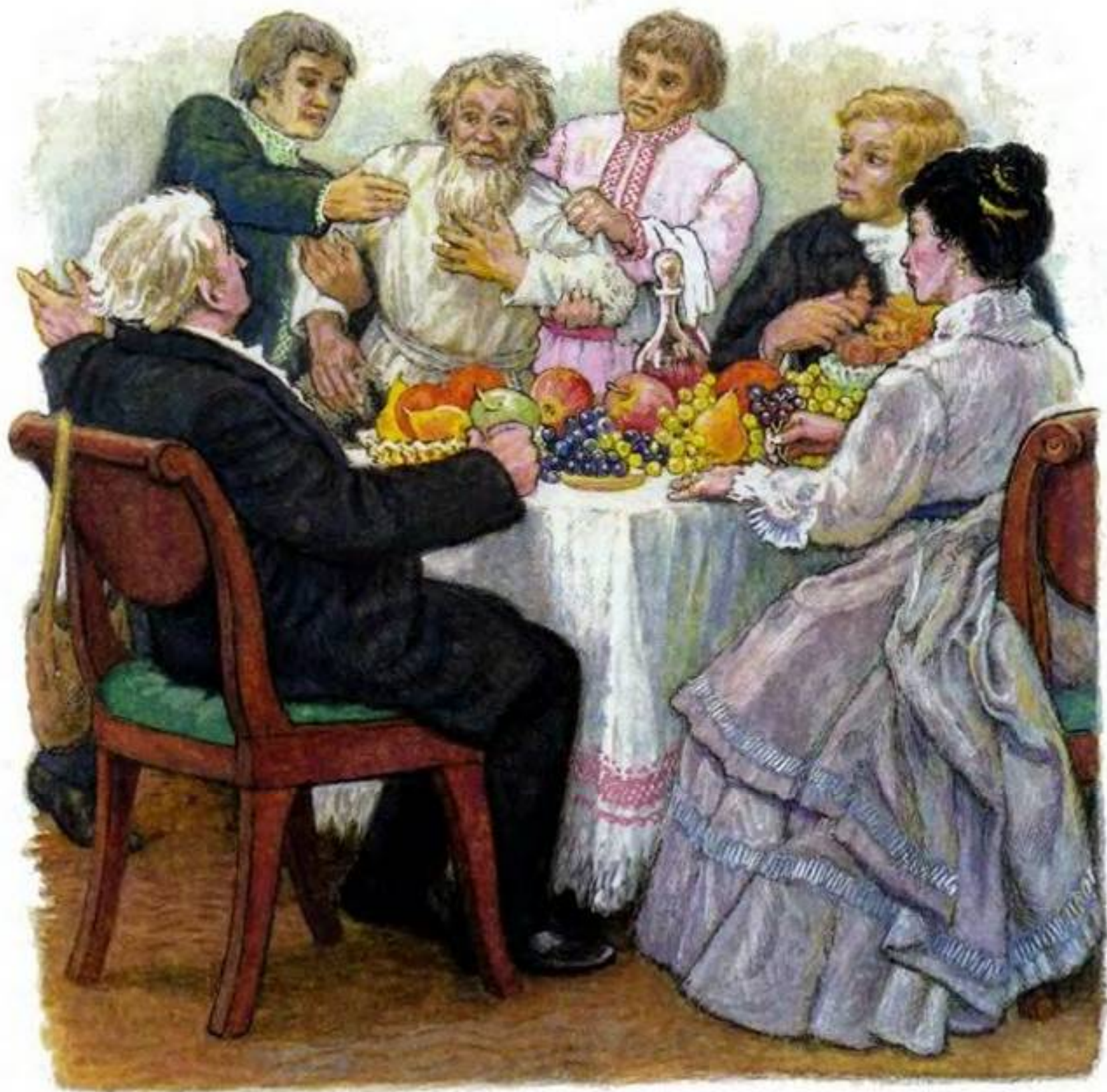
— Уйми ты их, дед, а то до смерти забьют.

А дед от смеху чуть не лопнул:

— Не будь таким любопытным да завистливым. Не суй носа в чужое просо!

Избили хлопцы-молодцы приказчика до синяков.

Тогда дед говорит:

— Ох, все в рог!

И все хлопцы-молодцы враз назад в рог спрятались.

«О, теперь я знаю, зачем мне добрый журавль этот рог дал!» — усмехнулся про себя дед и пошёл в поместье.

Приходит, а у пана полным-полно гостей. Все пьют, гуляют. Лежит на столе дедова торбочка.

— Что, дед, скажешь? — спрашивает пан.

— Пришёл я, паночек, за торбочкой...

— Ха-ха-ха! — захохотал пан, подбоченясь. — Видали вы такого старого дурня! Ещё плетей захотел? Эй, слуги, всыпьте ему при всех моих гостях двадцать пять плетей!

Схватили слуги деда, повалили на пол. А дед тем временем достал из кармана серебряный рог да как крикнет:

— Из рога всего много!

Выскочили из рога двенадцать хлопцев-молодцев с плетями и давай хлестать слуг, и пана, и его гостей.

Больше всего досталось пану — ведь дед стоял сбоку и приказывал:

— По слугам — раз! По гостям — два!! По пану — три!!!

Хлопцы-молодцы так и делали, как дед велел.

Стонал, стонал пан, а потом видит — нету спасения.

— Возьми торбочку, дед, только уйми своих хлопцев!

— Так бы давно и сказал, — усмехнулся дед. — Но теперь одной чужой торбочкой не откупишься.

— А что ещё хочешь? Дам тебе лошадь, корову...

— Нет, пан, и этого мало.

— Ай-ай-ай! — вопит пан. — Скорей говори, что ты хочешь ещё, а то забьют меня до смерти твои хлопцы.

— Коли хочешь живым остаться, — говорит дед, — убирайся из поместья, чтоб и духу твоего поганого тут не было!

Пан завопил пуще прежнего:

— Ой, ай, как же я без поместья останусь?

— Не хочешь, как хочешь, — говорит дед. — Эй, молодцы, всыпьте ещё пану!

Хлопцы-молодцы перестали бить гостей и слуг и принялись за пана.

Крутился, вертелся пан под плетями, как вьюн на горячей сковородке, а потом не выдержал, закричал:

— Уйду, уйду я из поместья!

— Ну ладно. Только смотри без обману, а то есть у меня для тебя лекарство. — смеётся дед. — Ох, все в рог!

И хлопцы-молодцы мигом в рог спрятались.

Положил дед рог в карман и говорит:

— Завтра приду посмотрю: если не уйдёшь, опять напущу на тебя своих помощников!

И пошёл дед весёлый домой — с торбочкой и с рогом.

А пан на другой день ни свет ни заря покинул поместье: боялся, чтобы дед не вернулся со своими молодцами.

ФЁДОР НАБЕЛКИН И БОГАТЫРИ

Жил-был в одном селе бобыль¹ Фёдор Набелкин. Слабоват он был силою, зато голову на плечах имел разумную.

Захотелось ему стать богатырём. «Чем я не богатырь? — думает Фёдор Набелкин. — Почему только сильные могут быть богатырями?»

Смастерил он себе полотняный шатёр, седло, взял косу вместо меча, сел на свою худую кобылку и поехал в путь-дорогу.

Ехал, ехал, доехал до большого города. Видит — на столбе какая-то бумага прибита. Он недолго думая написал свою бумагу, что-де в таком-то году, в таком-то месяце, такого-то дня проехал через этот город могучий богатырь Фёдор Набелкин. Сзади его не догонять, спереди не встречать, а издали шапку снять да поклониться.

Прибил бумагу на столб и дальше поехал.

А в это время по той же дороге ехал настоящий богатырь — Дубовик. Прочитал он эту бумагу — дивуется: что за новый богатырь в ихнем царстве объявился? Как бы на него хоть поглядеть? Сзади догонять не дозволено, спереди встречать заказано... Придётся хоть издали ему поклониться!

Дубовик три версты кругу дал, вперёд заехал, шапку снял, кричит:

— Здорово, могучий богатырь Фёдор Набелкин! Хочу твоим младшим товарищем быть. Как ехать прикажешь — спереди или сзади?

— Сзади езжай, — отвечает Фёдор Набелкин.

Вернулся богатырь назад и поехал за ним следом.

Приехали на широкий зелёный луг. Фёдор Набелкин пустил свою кобылку пастись, а сам раскинул шатёр и лёг спать.

И Дубовик тоже свой шатёр поодаль раскинул.

Встал утром Дубовик, начал меч острить на превеликом бруске.

¹ Б о б ы л ь — безземельный, одинокий крестьянин-бедняк.

А Фёдор Набелкин, увидевши это, давай свою косу острить — на камне. Меч острится тихо: шах-шах, а коса — дзинь-дзинь.

Дубовик завидует. «Ну, — думает, — и меч же у этого богатыря! Звенит! Не то что мой!»

Простояли они на этом лугу два дня, на третий Дубовик говорит Фёдору Набелкину:

— Живёт тут поблизости трёхголовый змей. Вызывает он кого-нибудь из богатырей на бой. Как, сам пойдёшь или меня пошлёшь?

— Тьфу! — плюнул Фёдор Набелкин. — Стану я об этакую пакость руки марать! Езжай ты!

Ну, богатырь снарядился, поехал.

Приезжает Дубовик к тому змею.

— Кто ты? — спрашивает змей. — Не сам ли Фёдор Набелкин? Слышал я про тебя. Говорят, даже бумага висит, что новый могучий богатырь в нашем царстве объявился.

Видит Дубовик: змей шибко боится нового богатыря Фёдора Набелкина.

— Да, — говорит, — я и есть тот самый Фёдор Набелкин.

— Ну что ж, Фёдор Набелкин, будем биться или мириться?

— Нет, нечистая сила, не для того ехал сюда сам Фёдор Набелкин, чтобы мириться, а для того, чтобы биться!

Выхватил богатырь Дубовик свой острый меч и отсек змею все три головы. Две головы в грязь затоптал, а третью на меч насадил и везёт напоказ своему старшему товарищу — Фёдору Набелкину.

Приехал, спрашивает у него:

— Куда прикажешь змеёву голову девать?

— Кинь в кусты, — махнул рукой Фёдор Набелкин.

В это время проезжал мимо города богатырь Горовик. Увидел бумагу — дивуется: эге, вот с кем надо было бы повстречаться! Поехал он вслед за богатырями и приехал на широкий зелёный луг. Поклонился издали Фёдору Набелкину и говорит:

— А не примешь ли меня, могучий богатырь Фёдор Набелкин, в товарищи?

— Ну что ж, ставь свой шатёр!

Поставил свой шатёр и Горовик.

На другое утро Горовик говорит Набелкину:

— Объявился в нашем краю поганый змей о шести головах. Ты сам поедешь биться с ним иль меня пошлёшь?

— Тьфу! — плюнул Фёдор Набелкин. — Стану я об этакую пакость руки марать! Езжай ты!

Поехал Горовик, отсек все шесть голов змею, а одну напоказ привёз.

— Куда прикажешь змеёву голову девать? — спрашивает.

— Да кинь в кусты, — отвечает Фёдор Набелкин.

Широко разошлась слава про богатыря Фёдора Набелкина. Дошёл о нём слух и до девятиголового змея. Вызывает он Фёдора Набелкина на бой. Фёдор Набелкин и на этот раз хотел кого-нибудь из младших товарищей послать, да те отказываются.

— Мы уж, — говорят, — ездили, теперь твой черёд. Да и змей по твоей силе попался: нам с ним не справиться.

Ну, ничего не поделаешь, надо ехать. Не к лицу могучему богатырю свою честь марать!

Снарядился Набелкин, сел на дохлую кобылёнку и поехал.

А змей ждал, ждал Фёдора Набелкина, не дождался — сам к нему вышел. Встретились они на полдороге. Как увидел Фёдор Набелкин перед собой страшилище девятиголовое, испугался — да бежать назад без оглядки. Змей за ним.

От страха сбился Фёдор Набелкин с ровной дороги, попал на глухую. А эта дорога вела к непролазному болоту. Вот он летел, летел по этой дороге, да и угодил вместе с кобылкой в самую трясицу. Змей, не разглядев дороги, бух следом и завяз — одни головы торчат.

Фёдор Набелкин лёгкий, он сразу и выскочил, а змей сидит в трясине, как коряга.

Видит Фёдор Набелкин — крепко сидит змей в болоте, даже ворохнуть не может. Схватил он змеев меч, размахнулся и давай страшилищу головы одну за другой рубить. Отрубил все девять голов, меч в болоте утопил, а сам пошёл назад пешком: кобылку свою из топи никак вытянуть не мог.

Пришёл на луг, кричит богатырям:

— Эй, молодцы! Идите-ка скорей к тому непролазному болоту да приведите моего богатырского коня. Я там с девятиглавым змеем боролся, все девять голов ему снял.

Пошли богатыри на это болото, глядят — и правда валяются в болоте все девять змеёвых голов!

— Ну,— говорят,— и силач! Это ж диво: втоптал поганого змея в трясину и все головы ему отсек! И чем же? Глядеть не на что: не меч, а коса какая-то, да и только!

Взял Горовик кобылку и принёс её хозяину.

Ещё дальше разнеслась слава про могучего богатыря Фёдора Набелкина. Услыхал про него сам царь Храпун. Захотелось ему иметь при себе такого славного богатыря, который девятиголового змея одолел. Послал ему приглашение. Явился Фёдор Набелкин во дворец. Царь справил ему дорогую одежду, отвел самые лучшие во дворце покои, слуг и повара к нему приставил.

Живёт Фёдор Набелкин припеваючи.

Миновал год, другой. На третий год выступил против царя Храпуна злобный и грозный соседний царь Хапун.

Собрал он такое войско, что глазом не окинешь, счётом не сочтёшь. Стал он с войском у стен столицы царя Храпуна и послал ему бумагу: «Вызываю тебя на бой!»

Испугался царь Храпун, спрашивает у Фёдора Набелкина:

— Что делать? Одолеет меня царь Хапун.

— Не одолеет,— говорит Фёдор Набелкин.— Не тужи, не убивайся. Иди спать, я сам буду воевать.

Царь зевнул сладко и пошёл спать. А Фёдор Набелкин приказал, чтобы все работники — столяры, портные и плотники — пришли в столицу каждый со своим инструментом.

И явились мастера со всего царства: столяры — с молотками да с пилами, плотники — с топорами-секирами, портные — с иглами да с шилами.

Вышел Фёдор Набелкин к мастерам и говорит:

— За три дня наделайте мне семь полков дровяного войска!

— Ладно,— отвечают мастера,— наделаем!

И взялись за работу.

Как войско было готово, Фёдор Набелкин приказал:

— Выставить всё дровяное войско ночью за городом!

Так и сделали. А настоящее войско Фёдор Набелкин спрятал в кусты. Проснулся утром царь Хапун, видит — стоят против него семь полков войска царя Храпуна. Значит, пора войну начинать. Даёт он команду:

— Открыть огонь!

Целый день стреляли солдаты царя Хапуна по солдатам царя Храпуна. Весь порох спалили, все патроны извели, а никого не убили.

Удивляется царь Хапун: уж не заколдованное ли войско выставил царь Храпун?

Тем временем Фёдор Набелкин дал команду пустить в работу настоящее войско.

Выбежали солдаты из кустов и давай палить по войску царя Хапуна. Стреляли, стреляли, всё войско перебили, а самого Хапуна в плен захватили и к царю Храпуну привели.

Разбудил его Фёдор Набелкин и говорит:

— Что прикажешь, царь-батюшка, с пленным делать?

Протёр царь глаза, видит — стоит перед ним связанный Хапун.

Обрадовался царь, расхрабрился.

— В пушку,— говорит,— его зарядите и выстрелите в ту сторону, откуда пришёл. Так и сделали.

Поехал царь на поле, глядит — всё вражье войско вповалку лежит, а его солдаты живые-здоровые ходят.

— Да как же это тебе удалось? — спрашивает царь у Фёдора Набелкина. — У Хапуна же силы в три раза больше было.

— Я, — говорит Фёдор Набелкин, — воюю не силой, а разумом.

Поставил тогда царь Храпун Фёдора Набелкина самым главным начальником над своим войском, а сам пошёл спать.

Спал он теперь спокойно, потому что никто из соседних царей и не помышлял идти на него войною.

КАК СТЁПКА С ПАНОМ ГОВОРИЛ

Жил когда-то один пан, да такой злой, что прямо беда: никто не мог ему угодить. Все его как огня боялись. Бывало, придёт к нему кто что-нибудь попросить, а он как гаркнет: «Что скажешь?», так от страху человек и забудет о своей просьбе.

— Ничего, паночку, всё хорошо, — отвечает бедняга дрожа.

— А после хорошего что?

— Не знаю, паночку...

— На конюшню его, негодяя! — вопит пан. — Высыпать ему розог, чтоб больше сюда не ходил!

А по-другому этот пан с людьми говорить не умел. И люди боялись с ним заговаривать, а то скажешь что-нибудь не так, — до смерти заперет.

Однажды играл пан в карты и выиграл у соседнего пана поместье. Было это весной. Собрался пан и поехал осматривать своё новое имение. А как поехал, то и остался там на всё лето: очень ему понравилось новое поместье. И верно говорят, что новое сито на гвозде висит, а старое под лавкой лежит.

Тем временем в старом поместье приключилась большая беда. «Как же, — думает приказчик, — рассказать пану о беде?» А сам ехать к нему боится. И вот надумал он послать кого-нибудь из дворовых. Да нету на то охотника: кому же хочется от пана лишние розги получать!

А был в том поместье один человек. На вид так себе, невзрачный, да зато на язык бойкий: за словом в карман не полезет. Звали его Степан, но все звали его просто Стёпка. Был ростом он мал и щуплый. Прослышал Стёпка, что приказчик ищет посланца к пану, пришёл к нему и говорит:

— Пошлите меня — я сумею с паном поговорить.

Обрадовался приказчик. Дал он Стёпке хлеба, сала, полную пригоршню медяков и отправил в путь-дорогу.

Идёт Стёпка, медяками позвякивает, ни одной корчмы не пропустит. Долго шёл он иль коротко, а пришёл наконец в новое поместье. Хотел Стёпка идти прямо в панский дом, да лакей остановил его:

— Ты чего тут, бродяга, шатаешься!

И натравил на него собак.

Достал Стёпка из сумы кусок хлеба, кинул его собакам, те и перестали лаять. Тогда Стёпка опять подошёл к крыльцу.

— Что тебе надо? — кричит лакей. — Здесь сам пан живёт!

Стёпка поклонился лакею и говорит:

— Э, паночку мой дорогой, вот мне-то и нужен сам пан. Пришёл я к нему из старого поместья.

Лакей немного смягчился.

— Ладно, — говорит, — я доложу о тебе. Но скажи мне, откуда ты знаешь, что и я пан?

— Гм! — Стёпка хитро кашлянул. — Вижу: ты пан не пан, а так, полупанок, и лоб у тебя низкий, и нос слизкий, вот и видать, что лизал ты панские миски.

Разозлился лакей, схватил Стёпку за шиворот и давай его бить. Увидел это пан из окна и кликнул лакея к себе.

— Кто это? — спрашивает он у лакея.

— Да какой-то бродяга из старого поместья, — ответил лакей, низко кланяясь пану.

Пан вспомнил, что давно не бывал в старом поместье.

— Позови-ка его сюда, — приказал он лакею.

Побежал лакей звать Стёпку, а тот вынул кисет, набил трубку табаком, достал трут и кремень, взял кресало и давай выкресать огонь. Выкресал огонь, закурил трубочку. Курит да поплёвывает на чистое панское крыльцо.

— Ступай в покои, тебя пан зовёт! — кричит ему лакей.

— Что его, лихорадка трясёт, что ли? Подождёт, — отвечает Стёпка и покуривает себе трубочку.

— Да скорей же ты! — волнуется лакей. — А то пан тебя розгами заперет...

— Не заперет. Вот докурю трубку, тогда и пойду.

Ждал, ждал пан Стёпку, не дождался. Зовёт снова лакея:

— Почему он не идёт?

— Трубку курит.

Обозлился пан:

— Гони его сюда!

Докурил Стёпка трубку, выбил из неё пепел, спрятал её за пазуху, а потом двинулся потихоньку в панские покои.

Лакей бежит впереди, отворяет Стёпке двери, словно пану.

Вошёл Стёпка к пану, да и закашлялся после крепкого табака. Он кашляет, а пан ждёт, только глазами злобно ворочает. Откашлялся кое-как Стёпка и говорит:

— Здравствуйте, паночку!

— Что скажешь? — хмурится пан.

— Всё хорошо, паночку.

— А после хорошего что?

— Да вот, паночку, прислал меня приказчик. Знаете, панский нож перочинный сломался.

— Какой нож?

— Да, видно, тот, которым пану перья чинили.

— Как же его поломали?

— Ведь говорят же, что без свайки¹ и лаптя не сплетьшь. А всякий инструмент во время работы портится. Так вот и с панским ножом. Хотели с гончей собаки шкуру снять — пану на сапоги, взяли ножик. Да на панской гончей очень уж крепкая шкура была. Ну, ножик и поломался.

— Какой гончей? Что ты плетёшь, негодяй? — закричал злой пан и хотел уже было приказать слугам, чтоб забрали Стёпку на конюшню розгами пороть.

Но Стёпка продолжал рассказывать дальше:

¹ С в а й к а — железный крюк для плетения.

— Панская гончая, та самая,— может, пан помнит,— что вскочила когда-то в колодец, а Микиту посылали её вытаскивать, так он там и утонул. Да та гончая, что пан любил брать на охоту. Кажись, ежели не ошибаюсь, пан отдал за эту собаку соседнему пану трёх мужиков...

— Что ж, значит, моя лучшая гончая сдохла?

— Сдохла, пане.

— Отчего ж она сдохла?

— Да кониной объелась, ну, враз ноги и протянула.

— Какой кониной?

— Да мясом жеребца.

— Какого жеребца?

— Панского буланого жеребца со звёздочкой на лбу.

— Что ж, и он пал?

— Сдох, пане. А жаль, хороший был жеребец.

— Ох, я несчастный!

— Э, пане, и зачем так печалиться? Уж известно: если родится жеребёнок со звёздочкой на лбу, то он либо падёт, либо волк его съест.

— А отчего ж жеребец пал?

— Надорвался, видно.

— Что ж, разве на нём работали? Загнали его, что ли?

— Да нет, пане, на нём и не ездили, он в стойле стоял.

— Так что ж?

— Воду, пане, на нём возили.

— А зачем же нужна была вода?

— Да люди ведь, паночку, не даром говорят, что когда тонешь, то и за соломинку хватаешься. Когда загорелся панский свинарник, то приказчик велел и на жеребце воду возить.

— А что, и свинарник разве сгорел?

— Сгорел, пане.

— Отчего ж он загорелся?

— Видишь, пане, он стоял близко возле панского коровника, вот от него он и загорелся.

— Значит, и коровник сгорел?

— Сгорел, пане, как свечка.

— Отчего ж он загорелся?

— Вот этого, паночку, я толком не знаю: то ли от сарая, то ли, может, от покоев огонь перекинулся.

— О, значит, и дом сгорел?

— Сгорел, пане, начисто всё сгорело, будто кто языком слизал.

— И вся усадьба сгорела?

— Вся, пане: чисто, гладко, хоть репу сей.

Схватился пан за голову и давай причитать.

— Но отчего ж загорелся дом? — спрашивает опять пан у Стёпки.

— От свечей, пане.

— А зачем свечи зажигали?

— Ну как же, пане, всегда свечи зажигают, если кто померёт.

— А кто ж помер?

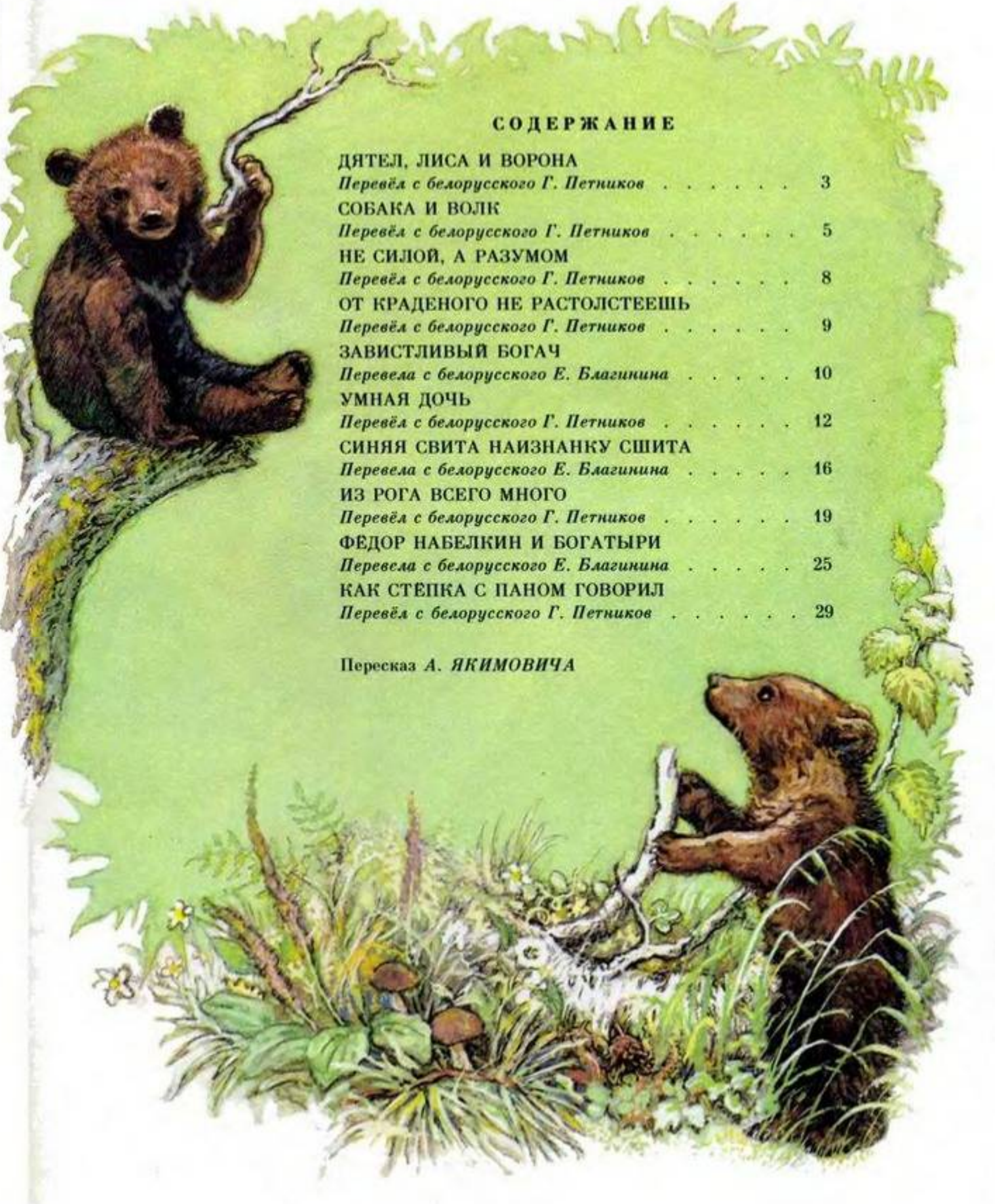
— Царство небесное, чтоб ей на том свете легко икалось, — пани померла.

— Что, что? Что ты говоришь? Пани умерла?!

Услыхав подобные вести, пан с кресла упал, а Стёпка закурил трубку и пошёл себе домой.

Вот какой был этот Стёпка и как он умел с панами разговаривать!

СОДЕРЖАНИЕ

ДЯТЕЛ, ЛИСА И ВОРОНА	
<i>Перевёл с белорусского Г. Петников</i>	3
СОБАКА И ВОЛК	
<i>Перевёл с белорусского Г. Петников</i>	5
НЕ СИЛОЙ, А РАЗУМОМ	
<i>Перевёл с белорусского Г. Петников</i>	8
ОТ КРАДЕНОГО НЕ РАСТОЛСТЕЕШЬ	
<i>Перевёл с белорусского Г. Петников</i>	9
ЗАВИСТЛИВЫЙ БОГАЧ	
<i>Перевела с белорусского Е. Благинина</i>	10
УМНАЯ ДОЧЬ	
<i>Перевёл с белорусского Г. Петников</i>	12
СИНЯЯ СВИТА НАИЗНАНКУ СШИТА	
<i>Перевела с белорусского Е. Благинина</i>	16
ИЗ РОГА ВСЕГО МНОГО	
<i>Перевёл с белорусского Г. Петников</i>	19
ФЕДОР НАБЕЛКИН И БОГАТЫРИ	
<i>Перевела с белорусского Е. Благинина</i>	25
КАК СТЕПКА С ПАНОМ ГОВОРИЛ	
<i>Перевёл с белорусского Г. Петников</i>	29

Пересказ А. ЯКИМОВИЧА

30 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

СИНЯЯ СВИТА НАИЗНАНКУ СШИТА

Белорусские народные сказки

ИБ № 8756

Ответственный редактор

Г. В. Кузнецова

Художественный редактор

В. А. Тогобицкий

Технический редактор

Л. С. Седина

Корректор

Л. А. Лямцева

Сдано в набор 15.01.86. Подписано в печать 12.05.86.
Формат 60×90¹/₈. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0.
Уч.-изд. л. 3,54. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2591.
Цена 30 коп. Ордена Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов издательство «Детская литература»
Государственного комитета РСФСР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли 103720, Москва, Центр,
М. Чернявский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени
фабрика «Детская книга» № 1. Росгавнополиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли 127015, Москва,
Суворовский вкл. 49.

**С-38 Синяя Свита Наизнанку Сшита: Белорусские на-
родные сказки/Пересказ А. Якимовича; Рис. В. Горя-
чева.— М.: Дет. лит., 1986.— 32 с., ил.**

30 коп.

Белорусские народные сказки о животных, бытовые и волшебные.

С 4803010200—368
М101(03)86 464—86

СФ(Бел)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

